

Е. Ю. Куликова¹, Е. Н. Пенская²

¹ *Институт филологии СО РАН, Новосибирск*

² *Высшая школа экономики, Москва*

Литературные и эстетические парадоксы Виктора Буренина

Рассматривается журналистский и литературный стаж Буренина, который насчитывает более полувека. За этот срок в сознании нескольких поколений сложился парадоксальный портрет критика. С одной стороны, Буренин – воплощение цинизма, злобы и нигилизма по отношению к литературному цеху. С другой – Виктор Буренин – одна из самых ярких фигур на журнальной сцене 1870–1910-х гг. Ландшафт отечественной культуры последней трети XIX в. невозможно себе представить без Буренина – без его вторжения в публицистику, литературную и театральную сферы. Буренин создал свои правила поведения, задал тональность, определил на многие годы стилистику умственной жизни.

Ключевые слова: литературная критика, фельетон, пародия, журналистика, литературные маски, литературная эволюция.

Список литературных жертв В. П. Буренина велик. Но характер их выбора, методология преследований и литературных разоблачений не систематизированы. На одном из финальных этапов своей критической службы В. П. Буренин крепко взялся за разбор модернизма – нового направления в искусстве 1900–1910-х гг. Он первый открыто выступает в печати, опередив злыми и острыми пародиями В. С. Соловьева. Скорее всего, подтверждается гипотеза А. Л. Волынского: Буренин, «злой, нервно-придирчивый, по собственному представлению – грозный, как крокодил, граф Алексис Жасминов» был не чужд «поэтических козерогов и скорпионов», в некоторых его пародиях «пропадает разъедающая соль критической насмешки, а местами проглядывает недурной и неглупый поэт декадентского стиля» [Волынский, 1900, с. 412]. Сборник Буренина «Голубые звуки и белые поэмы» (1895) – подтверждение тому; его пародии 1900-х гг. – проницательный анализ литературного процесса, а в его комедиях, фарсах того времени присутствует

Куликова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; kulis@mail.ru)

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, ординарный профессор факультета гуманитарных наук Высшей школы экономики (ул. Старая Басманная, 21/4, Москва, Россия; e.penskaya@gmail.com)

здравый ум и жесткая оценка эпохи гражданских свобод, Первой думы и в целом будущего России (см.: [Буренин, 1905]).

Как правило, его приемы апробировались синхронно на нескольких площадках – в газетных обозрениях, фельетонах, которые нередко содержали «конспекты» пародийных сериалов-комиксов, близких жанру «детских дразнилок». Характерен фельетон Буренина, напечатанный 30 сентября 1911 г. в «Новом времени»:

Есть упадочный рифмоплет г. Блок; он издал вторым изданием бессмысленные нелепые вирши своей «юности». Первое издание этих виршей до сих пор гниет на витринах у букинистов...

...в ежемесячном русском журнале «Аполлон» находим мы такой... «критический» отзыв некоего г. Гумилева: «Александр Блок является в полном расцвете своего таланта. Достойно Байрона его царственное безумие, влитое в полнозвучный стих»...

Не угодно ли, однако, познакомиться с виршами, достойными Байрона:

Когда ж ни скукой, ни любовью,

Ни страхом уж не дышишь ты... –

постойте, как уж может дышать скукой и любовью?

Читая такие истинно байронические стихи, хочется сказать и поэту, и его критику какое-нибудь поэтическое назидание в новом стиле с неизбежными «ужами»:

Когда ты так бездарен уж,

Что написать двух строк не можешь,

В которых ты не плел бы чушь,

Зачем ты, Блок, себя тревожишь?

Когда уж, Гумилев, ты мог

Сказать так громко и так прямо,

Что Байрону подобен Блок, –

Ты уж наверно из Бедлама [Буренин, 1911, с. 4].

И далее Буренин разбирает стихи Гумилева:

В качестве рифмоплета он пускается в сочинение каких-то «абиссинских» песен, хотя сам же объявляет, что эти «песни» написаны «совершенно независимо от поэзии абиссинцев»...

Подобных виршей можно понасочинять сколько угодно и о чем угодно, разумеется, если имеешь охоту сочинять вздор. И в Абиссинию для этого не надо улетать со своей музой, а достаточно пройти с ней... хоть на Невский проспект...

Неужели г. Гумилев думает, что он может быть ценителем и судьей в литературе только потому, что кропает поистине жалкий вздор? [Там же, с. 5]

Коллаж сатирических фрагментов дает Буренину повод составить, пусть нарочно искаженный, но при этом достаточно точный и детальный портрет Гумилева-критика. Буренинские «операции» ставили диагноз и при всей их нарочитой шаржированности были прозорливы.

Журналистский и литературный стаж Буренина насчитывает более полувека. За этот срок сложился в сознании нескольких поколений устойчивый портрет, отталкивающие черты которого исчерпывались короткими эмоциональными клише-характеристиками. Буренин – олицетворение злобы и нигилизма по отношению к литературному цеху. Его цинические покушения на «разумное, доброе, вечное» расценивались оппонентами как криминальное святотатство. Мало кто в российской журнально-литературной среде конца XIX – начала XX в. вызывал

столь сильное отторжение и безгласность современников. Редкие исключения картины не меняли.

Что же на самом деле представлял собой Буренин как носитель и активный распространитель той бациллы яда, что заразила общество, постоянно провоцируя состояние раздражительности и взаимной травли?

В. П. Буренин – одна из самых ярких фигур на журнальной сцене 1870–1910-х гг. Но не только русская журналистика обязана Буренину тем, что он определял ее облик. Ландшафт отечественной культуры последней трети XIX в. невозможно себе представить без его вторжения в публицистику, литературную и театральную сферы. Буренин создал свои правила поведения, задал тональность, определил на многие годы стилистику умственной жизни. Он пользовался известностью, граничащей с подлинной славой. Создал свою «марку» журналистского письма. «Печать» эта узнается и в его переводах, и в многочисленных пьесах, пародиях, предназначенных для сцены. Буренин – это фабрика по производству сочинений самого разного толка, объема, жанра.

С трудом поддается подсчету и сборке написанное Бурениным за полвека – это несколько тысяч текстов, рассыпанных и затерянных в периодике последней трети XIX – первых десятилетий XX в., текстов, подписанных собственным именем и скрывшихся под масками-псевдонимами, которые стали «визитной карточкой» Буренина: граф Алексис Жасминов, Владимир Монументов, Выборгский пустынный... Эти роли создавали и поддерживали уникальный статус журналистики как театральной площадки, где действующими лицами одной и той же пьесы становятся читатели и авторы. Буренин – «многостаночник». Он переводит, пародирует, пишет «свою» драматургию, кроме того, выступает как литературный критик и фельетонист. Нечеловеческая работоспособность обеспечивала ему известность и создавала бесперебойный ритм работы журналистской машины.

Для того чтобы полвека держать «фронт», нужны силы и долгая жизнь. Москвич, потом петербуржец и ленинградец, Виктор Петрович Буренин (1841–1926) многое повидал на своем веку, пережив несколько эпох. Он был свидетелем и современником реформ от Крымской катастрофы до Первой мировой войны и революции. На его глазах как минимум четырежды уходила в небытие старая и тяжело рождалась новая Россия.

Наставники: декабристы и петрашевцы

Биография Буренина «ломалась» несколько раз. Внук крепостного и сын архитектора, он в 1852–1859 гг. учился в Московском дворцовом архитектурном училище, владел не столько острым словом (этот дар проснется позднее и быстро напитается ядом), сколько обладал метким глазом и собственным характерным почерком. Его шаржи, карикатуры на товарищей и педагогов неизменно пользовались успехом, но нередко больно задевали. Считается, что «повитухой» его литературного дара стал преподаватель русского языка, литератор, историк, краевед С. М. Любецкий, во время долгих прогулок по Москве завораживавший учеников поэтическими былями и небылицами о московских древностях.

Первым опытом политической инициации пылкого юноши станет знакомство с амнистированными И. И. Пушиным, И. Д. Якушкиным, Г. С. Батеньковым: в 1850-х гг., в первую «оттепель» декабристы, отбывшие положенные им сроки «во глубине сибирских руд», из ссылки возвращались в столицу.

Буренин – человек нового «племени», на взросление которого действует и декабристская ожившая легенда 30-летней давности, и новые соблазны петрашевцев. Его пестует С. Ф. Дуров, осужденный по делу петрашевцев и вернувшийся в 1857 г. из ссылки, заменившей ему расстрел, – руководит чтением, дает реко-

мендации и советует перевести «Ямбы» О. Барбье. Этот перевод не пропадет, его опубликует «Подпольное слово» [Подпольное слово, 1866, с. 34].

Обретение имени

Литературный мир манил. Еще будучи студентом, Буренин, имея склонности к сочинительству, искал знакомства с писателями. Обстоятельства сложились так, что роль «крестного отца» в литературе для Буренина сыграл А. Н. Плещеев, а его кружок в конце 1850-х гг. стал той школой, где наш герой получил «путевку в жизнь». Буренин писал о Плещееве, что тот

в глазах молодежи был осенен ореолом бывшего политического ссыльного... раз в неделю завел у себя вечерние «собрания». На этих «собраниях» бывали некоторые из московских литераторов и порою наезжавшие из Петербурга и из губерний «известности» литературы. Бывали и начинающие... студенты университета. Алексей Николаевич... одобрял мои первые опыты в литературе, дружески был расположен ко мне, и я посещал его собрания постоянно. Там я увидел в первый раз Некрасова, Толстого и Салтыкова-Щедрина [Буренин, 1957, с. 53].

История отношений Буренина и Щедрина – это в некотором роде «школьное» увлечение, ознаменовавшееся сотрудничеством в «Современнике» и «Свистке». Сначала – близость вплоть до совпадений (некоторые публикации Буренина той поры даже приписывались Салтыкову), затем – отдаление, холод и взаимные колкости. Буренин называл Салтыкова «непочтительным хамом из “Отечественных записок”» [Z, 1872, с. 27]. Салтыков не оставался в долгу. Для него, как известно, начиная со второй половины 1870-х гг., все, что так или иначе связано с именем Суворина или с газетой «Новое время», сливается в единую субстанцию, заслужившую лишь брезгливость и презрение. «Гнусная газетчонка» в его устах получила клеймо: «Чего изволите?» [Салтыков-Щедрин, 1971, с. 67], издатель которой «день и ночь словно в котле кипит: все старается, как бы ему в мысль попасть, а кому в мысль и в какую мысль – и сам того не ведает» [Там же]. Ядовитые пикировки продолжались до самой смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина. Однако статьи Буренина на смерть Щедрина, как и мемуары, написаны совсем в иной тональности¹ – серьезно, строго. Глубоко, без какого-либо сарказма и ерничества оценена мощь щедринской сатирической проницательности.

В 1860-х гг. Буренин пробовал свои силы в тех жанрах, которые потом станут его коронными, – в фельетоне, сатирической заметке, драматической сценке. Первая публикация – «Спасение цензуры в Москве» – появилась в газете «Колокол» (1861, № 112, с. 26) без подписи. Эта заметка словно бы открыла шлюзы для разнообразного легкого и занимательного сочинительства. Стихи и сценки, публиковавшиеся в популярных сатирических журналах – в «Свистке», «Искре», «Зрители», – быстро обеспечили известность и успех. Имя Буренина примелькалось, к нему привыкли. Московские дебюты стали прологом ко всей дальнейшей журналистской и писательской карьере Буренина.

Жизнь под Москвою в кругу литературной молодежи, среди которой особенно выделялся В. П. Буренин, уже тогда составлявший себе в тесных кружках, его хорошо знавших, выдающееся имя поэта-сатирика; где А. Н. Плещеев, недавно вернувшийся из ссылки, сообщал окружающим свои воспоминания о петрашевцах и казни их на Семеновском плацу, где с жадностью читались номера «Колокола»... Вспоминая потом эту подмос-

---

¹ См.: Новое время. 1889. № 4741, 12 мая; № 4748, 19 мая.

ковную жизнь в своих «Очерках и картинках»... А. С. Суворин говорил, что в этом времени было много хорошего, увлекательного и много комического, юношески-незрелого... В обществе заметно было брожение...

...сколько в то время было переговорено, сколько смутных мыслей бродило в головах!.. То была весна либерализма, когда стремления были неопределенны, шатки, когда шли продолжительные и горячие споры об английской конституции, о социализме, о фурьеризме... когда всюду цвело, но каков был этот цвет, каковы деревья – ни один мудрец определить бы не мог, потому что и мудрецы увлекались несбыточными мечтаниями...

Хотелось бы видеть в печати воспоминания об этой подмосковной жизни литературной молодежи, которой со временем суждено было сыграть в истории нашей журналистики крупную роль, последнего, кажется, из оставшихся в живых участника той жизни – В. П. Буренина. Мы, вероятно, узнаем из этих воспоминаний, как возились оттуда корреспонденции в «Колокол», как тревожно воспринимались здесь известия о тогдашних обысках в Петербурге и аресте Н. Г. Чернышевского, как задумчиво на берегу местной речонки с удочкой в руках просиживал долгие часы будущий «Незнакомец» ([Глинский, 1914]).

Рубежным для Буренина стал 1863 г. Он переехал в Петербург по совету Н. А. Некрасова, сотрудничал с ним, помогая собирать материал для поэм «Кому на Руси жить хорошо» и «Русские женщины» (подробнее см.: [Н. А. Некрасов, 1949, с. 169–170]), и начал самостоятельное устройство журналистской карьеры, приступив к созданию собственной литературно-критической «империи».

Его «упражнения» – оригинальные сочинения и переводы (в репертуаре – Т. Гуд, В. Гюго, Г. Гейне, Дж. Байрон) – охотно публикуют журналы «Современник», «Отечественные записки», «Русское слово», «Библиотека для чтения», «Дело», «Вестник Европы», «Будильник», «Развлечение», газеты «Русский инвалид», «Неделя». Полный перечень изданий, где рассыпаны публикации Буренина, составить непросто. Так или иначе литературная работа станет для него главным источником дохода и позволит оставить службу.

Быстрота реакции, чутье, злые пародии, точные памфлеты, статьи делают Буренина желанным и узнаваемым. Трудно представить полный реестр буренинских жертв – сатирических портретов, созданных его «фыркающим пером»²: М. Н. Катков и П. М. Леонтьев, защитники классического образования, А. Фет, Ап. Майков, Н. Щербина, А. Писемский; салонная проза В. Г. Авсеенко и Б. М. Маркевича; «почвенничество» Ф. М. Достоевского; почти маниакальная верность одним и тем же темам, вызывавшим его неизменную ядовитость (пруссский милитаризм, женщины-медики и жадные адвокаты), – упорное преследование одних и тех же персонажей русской культурной сцены растянулось на десятилетия, превратившись в многолетний сериал.

К началу 1860-х гг. радикальный стиль поведения Буренина сыскал немало поклонников. Публика привыкала к постоянному расширению диапазона сатирических мишеней, их быстрой смене, журнальным победам фельетонного конферансье, все активней входящего в моду.

В этот период написано стихотворение, посвященное гражданской казни Н. Г. Чернышевского («13 июня 1864 года»). Буренин был непосредственным свидетелем этого события и, видимо, задумывал написать поэтический репортаж. Но то, что получилось, с трудом можно соотнести с буренинским острым чутьем к штампам и клише. Трудно поверить, что собранные в стихотворении трафарет-

² «Общество, запуганное фыркающими перьями Буренина, Михайловского, Скабичевского... едва дерзало сознаваться в такой ереси... как симпатия к кому-либо из писателей» – писал А. В. Амфиатров [1925, с. 11].

ные метафоры тюремной лирики – это голос Буренина. И если бы не вполне серьезное и возвышенное содержание, можно было бы предположить, что автор этого текста – предмет буренинских пародий.

При жизни текст не был опубликован и распространялся в списках, упорчив легкий ореол героической славы участника исторического события. Стихотворение переписывали многократно, заучивали и читали в литературных кружках.

Подробности этой казни передавал нам в редакции «Библиотеки» не кто иной, как Буренин, тогдашний мой сотрудник. Он видел, как Чернышевский был взведен на эшафот, как над ним переломили шпагу в знак лишения прав, и он несколько минут был привязан. Буренин подметил, что тот сенатский секретарь, который читал его долгий приговор, постоянно произносил его фамилию «Чернышовский» вместо «Чернышевский»

– вспоминал П. Д. Боборыкин [1929, с. 124], впоследствии давший немало поводов своими романами для фельетонной критики Буренина.

«Снамские близнецы»: Буренин и Суворин

Четвертого апреля 1866 г. Дмитрий Каракозов неудачно стрелял в императора Александра II. В водовороте событий, последовавшей затем реакции, смуте, расколовшей общество, Буренин упорчил свой политический капитал как пострадавший от цензуры. У него прошел обыск, изъяли бумаги, по распоряжению Главного управления по делам печати приостановили публикацию фельетонов. Поэтическую вакансию в журнале «Отечественные записки» предложил Некрасов, к тому времени ставший фактически главным редактором.

В 1863–1866 гг. репутацию радикала окончательно закрепили за Бурениным его фельетоны, выходившие регулярно в газете «Санкт-Петербургские ведомости» и печатавшиеся под маской «Выборгский пустынник». С 1866 г., после запрета, наложенного почти на все политические темы, Буренин нашел свою нишу, выступая под псевдонимом Z как обозреватель журналов. Неразрывной с этого периода становится и его связь с А. С. Сувориным; неразрывной настолько, что она, в свою очередь, обернется предметом пародийного портрета двух сросшихся фигур, ставших чем-то единым в сознании современников.

Клевреты Козьмы Пруtkова, авторы литературной мистификации А. К. Толстой и братья Александр, Алексей, Владимир Жемчужниковы недаром в серию прутковских афоризмов вставят «Церемониал погребения»: «Идут вместе Буренин и Суворин...» [Прутков, 1933, с. 217]. Успех одного зависит от успеха другого.

Переезд в Петербург скоро принес Суворину широкую известность. Коршевские «Петербургские ведомости» были той литературной нивой, на которой окреп и расцвел его талант. Сначала скромный секретарь и газетный работник, он уже к 1865 г. обращается в того первого по значению русского фельетониста, который вместе с Бурениным, в истинном смысле этого слова, создает русский злободневный фельетон и придает отечественной газете широкое общественное значение. Газетные статьи до того времени таких известных публицистов, как М. Н. Катков, И. С. Аксаков и некоторых других, были политической артиллерией... Легкие взвившиеся ракеты со столбцов «академических» «Ведомостей» были впервые пущены именно Сувориным и Бурениным, и газета наполнилась блестящими литературными турнирами, привлекавшими к себе внимание широких слоев читателей...

Только знакомясь с тяжеловесными газетными фолиантами 60-х годов и встречая в них имена «Бобровского», «Незнакомца», «Выборгского пустынного», понимаешь, какая газетная эволюция совершалась в тот период. Среди таких имен, как К. Кавелин, К. Арсеньев, В. Крылов (Александров), А. Головачев, К. Скальковский, Ф. Воропонов, Л. Полонский, Е. Ватсон, де-Роберти, имена Суворина и Буренина заблистали не менее яркими звездами. Коршевская газета – блестящая страница в истории пореформенной России... В этом отношении именно гг. Суворин и Буренин понесли немало труда, разгрузивши газету от того тяжелого, что мешало ей проникать в широкие круги читателей... Оба названных писателя перенесли центр тяжести из неуклюжих тогдашних передовиц в область живого, остроумного фельетона, где, как в калейдоскопе, перед обывателями запестрели страницы отечественной жизни, имена, факты, печальная действительность, политика, обывательщина, где раздался веселый смех, будящий, бодрящий, зовущий от мрака к свету ([Глинский, 1914]).

Скептически настроенный П. Д. Боборыкин в своих воспоминаниях характеризует коршевский период «Санкт-Петербургских ведомостей» и суворинско-буренинское сотрудничество в них осторожно (но следует учесть, что оценки сделаны уже после того, как в его адрес Бурениным был выпущен злой памфлетный залп):

Добродушный, не очень блестящий умом, либерально мыслящий москвич... довольно наивный, человек лучших традиций 40-х гг., как журналист, любящий свое дело, но всегда подавленный своими счетами с тогдашней цензурой. В нем не было той хозяйской сметки и в редакционном смысле, какую выказывал Краевский... Но Краевский был то, что народ называет «кулак», то есть чистой крови оппортунист, умевший ловко лавировать между подводными камнями русского режима, а Коршу дороги были известные принципы и идеалы. Но в выборе ближайших участников в газете он не имел дара предвидения. Сделав Суворина и Буренина главными своими сотрудниками, он верил в их радикализм и не распознал в них будущих матадоров такого органа, как «Новое время» [Боборыкин, 1965, с. 220].

«Журнальные репетиции»

Порой Буренин сознательно создавал скандальные прецеденты. Можно говорить о том, что он устроил «театр полемики», превратив журнальную дискуссию в захватывающее зрелище, исполняя все роли в этом театре – режиссера, актера и заинтересованной публики (подробнее см.: [Шабалина, 2012]). У него был набор инструментов, провокационных приемов и список тех, кого он третирует постоянно. Первые строчки в этом списке занимал Н. К. Михайловский, критик, публицист, социолог, «властитель дум» народнической интеллигенции, чьи статьи «Десница и шуйца Льва Толстого» (1875) и «Жестокий талант» (1882) о Ф. М. Достоевском на долгие годы превратились в клише русской литературной критики.

Откровенная эксплуатация имени Л. Н. Толстого в текущей журнальной полемике – рассчитанный ход, продуманная стратегия. Толстому приписываются слова, сказанные о Буренине: «Он дерется мною». Их подтверждают свидетельства столь разных литераторов, как Н. С. Лесков, повторивший толстовскую фразу в письмах к М. О. Меньшикову [Переписка Л. Н. Толстого, 1939, с. 240], и С. Я. Надсон, позднее третируемый Бурениным: «В последнее время, – писал Надсон, – к такому большому кораблю, каким является в нашей литературе Лев

Толстой даже в глазах людей, не разделяющих его философских и этических воззрений, самым усердным образом старается прицепить свою утлую ладью другой в некотором роде “писатель” и “граф” – граф Алексис Жасминов. Делает он это очень характерно: с напускным умилением кадя великому романисту, он в то же время зорко следит по сторонам, норовя задеть своим кадилом всю остальную пишущую братию»³.

Однако в семье Л. Н. Толстого Буренину скорее доверяли и относились благосклонно, считая талантливым [Лазурский, 1978, с. 57]. Софья Андреевна лестно отзывалась о нем в «Дневниках», не скрывая своего расположения. В «Новом времени» (№ 9673 от 7 февраля 1903 г.) было напечатано ее письмо:

М. Г., не найдете ли вы возможным напечатать в вашей газете тот «крик сердца», который вырвался у меня сегодня по поводу чтения статьи г-на Буренина в № 9666 «Нового времени» в пятницу 31 января 1903 г.? Прекрасную статью г-на Буренина в № 9666 «Нового времени» так и хочется продолжать, прибавляя к ней все больше и больше однородных мыслей, все выше поднимая знамя за художественную чистоту и нравственную силу в современной беллетристике... [Дневники С. А. Толстой, 1932, с. 458]

Симпатии публики начала 1860-х гг., вызванные любопытством к остроумному молодому литератору, сменялись сложными чувствами – от растущего не по дням, а по часам безглагольного раздражения до поклонения или, по крайней мере, признания его силы и литературного вкуса. Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов, Н. К. Михайловский – все «великие» считали его одаренным. Ф. М. Достоевский отмечал исключительную проницательность Буренина, точно разгадавшего устройство его философского романа. Он один пошел «против течения» – против читательской среды и критики, поддержав «Бесов» в 1870-х гг.⁴, а позднее составив инсценировку [Буренин, Суворин, 1908].

«Загадка» Буренина

Попытки систематизировать высказывания Буренина, собрать из них и сформулировать «за него» программу, на наш взгляд, обречены на неудачу. Соблазнительно, воспользовавшись вроде бы его же формулами, приписать ему какие-либо традиционные установки, однако очевидно, что Буренин отличается от демократической левой критики шестидесятников. Буренин пришел в литературу вместе с ними, в 1860-х гг., но оказался совершенно иной закваски. Он – Базаров в журналистике, «чистейшей воды нигилист», «не в смысле... каких-нибудь разрушительных тенденций, а по натуре, до бесстыдства оголенной полосой отрицания от всяких стеснительных пут умственной и моральной дисциплины»⁵, – как называл его коллега по литературному цеху публицист В. О. Михневич. Но чем дальше, тем больше в реакции Буренина проступала субъективная оценка, зависящая от личных, порой пристрастных отношений с автором и внелитературных фактов биографии. Бытовые интриги все чаще определяли «погоду», атмосферу и настроение. По этой причине в 1872 г. происходит разрыв с «Отечественными записками».

В эти годы складываются словно бы два суждения о Буренине, соперничающих друг с другом, две параллельных репутации: «убийственный» приговор «бесцеремонному цинику, пренебрегающему приличиями в печати» сопровожда-

---

³ Заря. 1886. № 99, 4 июня. С. 7.

⁴ См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1872. 16 дек. С. 5; 1873; 13 янв. С. 6.

⁵ Новости. 1887. № 18. С. 7.

ется оговоркой: «но он не без таланта, опытен, и у него есть критический такт», сделанной И. А. Гончаровым по поводу буренинского фельетонного прокурорства, не лишнего, с его точки зрения, справедливых суждений по отношению к современным поэтам [Гончаров, 1938, с. 246]. Даже те, кто в прежнее время благосклонно относился к Буренину, накопив обиды, предъявили ему жесткий счет, упрекая в несправедливости, нарочитом передергивании фактов. Лесков, признававший ранее недюжинный талант Буренина, горько отзовется о нем: «Только и выискивает, чем бы человека обидеть, приписав ему что-нибудь пошлое» [Лесков, 1958, с. 244].

В 1870–1880-е гг. Буренин все чаще становится участником публичных скандалов. Известность обрела Надсоновская история, не в последнюю очередь благодаря усиленному вмешательству «среды», нередко искажавшей масштаб и смысл подлинных фактов. С. Я. Надсон в последние годы своей жизни публиковал литературные фельетоны в киевской газете «Заря» и умудрился задеть Буренина, вступив с ним в полемику, что вызвало ответный залп уничтожающе злых статей в «Новом времени»⁶. В ход шли подробности личной жизни Надсона, намеки на притворство и ложную болезнь как корыстный способ получения пособий. Литературной дуэли перерасти в настоящую помешала смерть Надсона, вызвавшая обвинения Буренина чуть ли не в убийстве⁷.

«Новое время» – главная сцена

«С 1875 года... когда Вы, Алексей Сергеевич, пригласили меня стать членом редакции “Нового времени”, мое существование навсегда приобрело совершенно новый оттенок и смысл»⁸, – писал Буренин своему патрону.

Приглашение А. С. Суворина сотрудничать со своей газетой как раз совпало – после полемики с Михайловским и «Отечественными записками» – с полосой разрывов Буренина,

расплывыванья со всем и всеми... Почти сорок лет служения газете – подтверждение моего одиночества... В той форме, что мною давно задумана и пробуются постоянно, я хотел бы распутать паутину отношений, которой опутаны, в которой завязли все мы, независимо от того, друзьями или врагами мы являемся по отношению друг к другу. Отношения... бесконечные отношения... это раковая опухоль, которую непременно надо вскрыть⁹.

Еженедельные фельетоны Выборгского пустынника, а затем и журнальное обозрение в «Санкт-Петербургских ведомостях» были хорошей тренировкой. Но марочный буренинский фельетон «выпекался» на кухне «Нового времени». Он стал узнаваем: текст начинался конкретными деталями тех внутренних, нередко компрометирующих «отношений», в хитросплетениях которых так тонко разбирался Буренин, и которые он сумел сделать своей программной фельетонной политикой. Узнаваемые портретные черты не только персонажа, но и ситуации; «дела» и обстоятельства, досконально известные Буренину, – все это придавало особое качество его сатире. Выбор предмета литературной критики, минимизация

⁶ Полемика В. П. Буренина и С. Я. Надсона проходила в 1886 г.; см.: Новое время. 1886. 7–21 нояб.; 1887. 16 янв.; см. также: [Надсон, 1913, с. 264–271, 288–289].

⁷ Конфликт Буренина и Надсона получился настолько резонансным, что обсуждается в разных ракурсах до сих пор, не теряя своей остроты (см.: [Лепехин, 2005; Рейтблат, 2005; Лурье, 2014]).

⁸ Буренин В. П. Письмо А. С. Суворину. 17 декабря 1896 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 522. Л. 61.

⁹ Буренин В. П. Письмо А. С. Суворину. 10 марта 1913 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 522. Л. 73.

публицистического начала объяснялись вполне рационально и вынужденно: «Если б у нас была свобода печати, он стал бы единственным в своем роде памфлетистом, употребляя свое перо для разоблачения министров и т. д. Теперь он тратит его по мелочам и на мелочи» [Дневник А. С. Суворина, 1999, с. 359].

Тем не менее пятничные фельетоны в «Новом времени» составляли непрерывный атрибут этого издания и обеспечивали ему высокую подписку. Многолетнее сотрудничество с этой газетой было высшей точкой и одновременно одним из последних переломов в журналистской и житейской биографии Буренина [Лепехин, 2005]. Сохранились описания этого поистине «календарного триумфа».

Взаимная травля

С 1890-х гг. чутье и такт все решительнее оставляют Буренина. Даже Суворин признавал, что его друг «литературу презирает и глумится над ней» [Суворин, 1913, с. 136].

Привилегированное положение Буренина в газете было очевидным для всех сотрудников, нередки случаи, когда Буренин открыто противоречил главному редактору и действовал вопреки его установкам. Суворин «ненавидел его и боялся», «критиковал и печатал самые грубые его фельетоны... потому что чувствовал, что для известной части читателей газеты эти фельетоны были нужны» [Снеессарев, 1914, с. 27–28].

В список уничтожаемых Бурениным попала практически вся современная литература – А. М. Горький, В. Г. Короленко, Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, символисты – В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, А. А. Блок, Н. С. Гумилев.

Закономерно, что сам Буренин вызывал ответный шквал ненависти. Вряд ли найдется еще фигура, столь дружно и яростно оскорбляемая. Писатели разных партий и направлений словно бы сговорились и оставили свои счета и разногласия, объединившись в ответной травле. Поток брани в адрес Буренина нарастал день ото дня.

Таков краткий очерк эволюции, которую пережил Буренин как журналист. Его перо действовало как скальпель, вскрывавший пошлость, позу, штамп, но его санитарная, хирургическая роль в культуре остается не оцененной.

Последствия многолетнего триумфа в журналистике обыкновенны. Время и обстоятельства сделали свое: Буренин к концу долгой жизни съезжился, выдохся. К. И. Чуковский вспоминал свою позднюю встречу с критиком, давно отошедшим от литературы:

Был у Буренина вечером. Старикашка... Желтоватый костюмчик – серые туфли, лиловый галстук... Показал мне акварель «Три Грации». Кто бы мог подумать, что Буренин рисовал «Три Грации»! Это все равно как если бы Джек Потрошитель вышивал шелками незабудки! [Чуковский, 2003, с. 98, 100]

Однако исторические катастрофы начала – первой трети XX в. углубили национальную специфику. Вся прежняя культура в одночасье без разбора оказалась на мусорной свалке. Разделяя общую драматическую участь, обреченные на физические страдания, многие терпели еще и дополнительные муки. Лютые враги, ничего не забывшие и не простившие друг друга, загнанные в одну клетку общежития в начале 1920-х гг., ежедневно вынуждены были встречаться за одним столом.

При имени Дорошевича он (Буренин. – *Е. П., Е. К.*) безмолвно зеленел. Но когда при Буренине упоминали о М. В. Ватсон (хранительнице памяти

Надсона. – *Е. П., Е. К.*), у него лицо перекашивалось... Все проходит на сем свете.

В петроградском Доме литераторов мы, остатки разгоняемой и истребляемой интеллигенции, собирались, как при потопе звери на уцелевшую случайно скалу... Буренин, больной, дряхло старый, полуразвалившийся от какого-то паралича, почти умирающий, тоже питался в столовке Дома литераторов... Говорили, был ужасно жалок. Любопытно, как они с Марией Валентиновной (Ватсон. – *Е. П., Е. К.*) встречались – и какими глазами должны были друг на друга смотреть! Вражды-то, конечно, в таких обстоятельствах уже не могло быть между двумя стариками. Но ведь и прощенные обиды... всегда оставляют и в душах, и в глазах обеих сторон нечто такое, что лучше им не слишком часто видется и не слишком внимательно друг на друга заглядываться...

– вспоминал А. В. Амфитеатров, свидетель тех дней и встреч [Амфитеатров, 2004, с. 256–257].

Атрибуция русской литературной и журнальной жизни второй половины XIX – начала XX в. как ядовитого серпентария стала общим местом. Буренин – не просто часть этого серпентария. Он вкладчик и оформитель того культа злобы, что сросся с понятием «злоба дня». Жесткая злость Буренина хорошо отшлифовалась службой всего лишь в нескольких журналах: если взглянуть, не так уж часто он менял «место работы» и отличался, скорее, постоянством, чем склонностью к служебным перемещениям. Буренин – одиночка, насколько возможно «одиночество» в кипящей лаве редакционных будней. Пожалуй, в Буренине можно увидеть характерный симптом переходных эпох и культур.

«Слово и дело» Буренина давали плоды. Фельетонное прокурорство породило новый сорт литераторов и потребителей журнального чтения – «цветы зла». Выкормыши-подражатели, фельетонисты, газетчики, пародисты с яростью и аппетитом набросились и разрывали ядовитого мэтра на куски, распаяя публику. Долгое пребывание в отравленной атмосфере приучало дышать испарениями, газами и представлялось нормой. Настоящие яды обычно устойчивы к внешним воздействиям и не требуют специальной подпитки.

Буренин серьезен. Он раскрывается в публичном самопризнании, почти исповеди. Сознает бремя своей миссии. Семантика сатирического витийства почти гипнотизирует своим интонационным и ритмическим строем речи: «цель... орудие преследований... тяжелая ролевая обязанность... вериги прокурорства...». Трудно в этом откровении заподозрить изощренную мистификацию. Собранные вместе памфлеты Буренина отчетливо проявляют «изнанку» фельетонизма, готовую оптику, которую может освоить, присвоить и удобно пользоваться обыватель. «Фельетонистическая эпоха» (если вспомнить слова Г. Гессе) вербует своих агентов и адептов, образуя сети. При всей свободе, подвижности и пластичности сетевой формы, фельетонист принудительно разнообразен и неизбежно окукливается в силу естественной необходимости изобретать все новые приемы увлечения, чтобы удержать читателя. Публицистический яд – одно из средств, химическое воздействие которого на аудиторию имеет необратимые последствия, вызывая, в конце концов, осязаемую коррозию.

В 1890-х гг. в силу ряда накопившихся причин в самом деле происходит постепенное перерождение не только самого Буренина, но и реакций среды, им воспитанной. Эволюция заключалась в постепенном ослаблении действия «фирменных» буренинских ядов и в устойчивом иммунитете к ним, выработанном ок-

ружающими¹⁰. А это, в свою очередь, сопровождалось все более ощутимым морализаторством, прокурорской дидактикой. Изменения журналистской рецептуры, соотношение и разбалансированность «ядовитых доз» проявляет фельетон – жанр-рентген, остро чувствительный к изменениям литературного, политического и интеллектуального климата.

В 1870–1880-х гг. Буренин стал одним из королей фельетонной стихии, захватившей журналистику еще с 1840-х гг. За какие-нибудь 10–20 лет, «в 90-е годы русский фельетонизм достиг такого развития и влияния, что фельетон сделался если и не фундаментом периодической печати, то авангардом ее движения и залогом успеха вновь возникающих ее органов» [Амфитеатров, 1931].

Прелесть фельетона заключалась в том, что создавались условия свободного общения читателя и автора. Беседа на равных предполагала подкупающе близкие и доверительные отношения газетчика и его аудитории [Рейтблат, 2004, с. 7–8]. Буренин мастерски овладел нюансами вести такие разговоры. Но сама интимность, право и возможность входить в личные сферы обуславливали возрастающую потребность в таком общении, что делало фельетон «сверхжанром», подчинившим остальные формы. Выпущенный на волю «демон фельетонизма» отчасти сыграл злую шутку и с инициаторами освобождения стихии, ставшими жертвами фельетонного шабаша и тотальной фельетонизации журналистики, истории, беллетристики последней трети XIX – начала XX в. Всевластие фельетона сделало его в то же время «школьным», «школярским» жанром, допускающим вольную непринужденность, авторское менторство, педагогическую указку.

Фельетонные тексты, изъятые из газетной среды, мгновенно теряют «электрический заряд», запах и пряный вкус, столь бодрящий читателя.

Думается, этой судьбы не избежали литературные очерки и фельетонные обозрения, которые Буренин с 1870-х гг. выпускал отдельными сборниками¹¹, превращая их в «кафедру критики» – академическую и скучноватую, быстро утратившую терпкость колющих интерпретаций вне сиюминутного полемического контекста и газетной драки.

Прозаические и стихотворные фельетоны Буренина, нередко в форме пьесы, захватывают сегодняшнего читателя, аккомпанируя друг другу и вовлекая в тот журнальный мир, что был пропитан слухами и скандалами, кровожадно питался мифами и выбрасывал сгустки мифологических отходов. Многоголосье, бесконечное возвращение к одной и той же теме или персонажу-жертве, которую словесно терзает Буренин... Буренин всю жизнь варился в этой среде и нашел язык, способ описания литературной повседневности.

Список литературы

- Амфитеатров А.* Юмор после Чехова // Сегодня. 1931. 31 янв. С. 5.
Амфитеатров А. В. Поэт скудной природы // Возрождение. 1925. № 3.
Амфитеатров А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: В 2 т. Т. 2. М.: НЛЮ, 2004. 445 с.
Боборыкин П. Д. За полвека: Мои воспоминания. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. 612 с.

---

¹⁰ Справедливы соображения исследователей относительно устойчивости сатирических пародийных приемов Буренина, воспроизводимых в 1910–1920-е гг. (см., напр.: [Кацис, 2004]).

¹¹ [Очерки и пародии..., 1874; Критические очерки..., 1884].

- Боборыкин П. Д.* Воспоминания: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1965. 357 с.
- Буренин В. П.* Горе от глупости. Чтения в обществе «Бедлам-модерн». Поэтические козероги и скорпионы. СПб., 1905. 74 с.
- Буренин В. П.* Фельетон // Новое время. 1911. № 12911, 30 сент.
- Буренин В. П.* Воспоминания о М. Е. Салтыкове // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1957. 879 с.
- Буренин В. П., Суворин М. А.* Бесы: Сцены из романа Ф. М. Достоевского в 5 д. СПб.: Изд-во журн. Театра Лит.-худ. общ., 1908. 155 с.
- Волынский А. Л.* Борьба за идеализм: Критические статьи. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1900. 552 с.
- Глинский Б. Б.* Среди литераторов и ученых: Библиографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи. СПб.: Тип. т-ва А. С. Суворина, 1914. 278 с.
- Гончаров И. А.* Из переписки с К. Р. 26 декабря 1887 г. // Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. Л.: Гослитиздат, 1938.
- Дневник А. С. Суворина.* М.: Независимая газета, 1999. 518 с.
- Дневники Софьи Андреевны Толстой (1897–1909).* М.: Кооперат. изд-во «Север», 1932. 715 с.
- Кацис Л. Ф.* Буренин. Розанов. Крученых; Достоевский. Буренин. Сельвинский // Кацис Л. Ф. Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. 2-е изд., доп. М.: РГГУ, 2004. С. 334–370.
- Критические очерки и памфлеты В. Буренина.* СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1884.
- Лазурский В. Ф.* Запись 27 июня 1894 г. Дневник. Ясная поляна // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1978. С. 671.
- Лепехин М. П.* Буренин Виктор Петрович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Библиогр. слов.: В 3 т. Т. 1. М.: Олма-Пресс Инвест, 2005. С. 311–315.
- Лесков Н. С.* Письмо Л. И. Веселитской. 1 июня 1893 г. // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 11. М.: ГИХЛ, 1958.
- Лурье С. А.* Ватсон // Звезда. 2014. № 1. С. 79–91.
- Надсон С. Я.* Проза. Дневники. Письма. 2-е изд. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913. 318 с.
- Н. А. Некрасов.* Литературное наследство. Т. 51–52. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 169–170.
- Очерки и пародии В. Буренина.* СПб.: Тип. П. П. Меркульева, 1874.
- Переписка Л. Н. Толстого с В. П. Бурениным // Л. Н. Толстой. Литературное наследство. Т. 37–38, кн. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 239–246.*
- Подпольное слово.* 1866. № 1.
- Прутков Козьма.* Полное собрание сочинений. М.; Л.: Academia, 1933. 356 с.
- Рейтблат А. И.* Фельетонист в роли мемуариста // Амфитеатров А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: В 2 т. Т. 1. М.: НЛЮ, 2004. С. 5–18.
- Рейтблат А. И.* Буренин и Надсон: Как конструируется миф // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 154–167.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* В среде умеренности и аккуратности. Господа Молчалины // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 12. М.: Худож. лит., 1971. 514 с.
- Снегсарев Н.* Мираж «Нового Времени». Почти роман. СПб.: Тип. М. Пивоварского и А. Типографа, 1914. 314 с.
- Суворин А. С.* Письма В. В. Розанову. СПб.: Тип. т-ва А. С. Суворина, 1913. 347 с.
- Чуковский К. И.* Дневник: В 2 т. Т. 1. М.: Олма-Пресс, 2003. 538 с.
- Шабалина Н. Н.* Литературный скандал в критике В. П. Буренина // Учен. зап. Казан. ун-та. 2012. Т. 154, кн. 2. С. 145–150.

З [Буренин В. П.] Журналистика... г. М. М., осмеивающий Салтыкова // Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 170, 24 июня. С. 27.

Е. Ю. Куликова¹, Е. Н. Penskaya²

¹ *Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, kulis@mail.ru*

² *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
e.penskaya@gmail.com*

Literary and aesthetic paradoxes of Viktor Burenin

Burenin's journalistic and literary experience includes more than half a century. During this period, a paradoxical portrait of a critic prevailed in the minds of several generations. On the one hand, Burenin is the embodiment of cynicism, anger and nihilism in relation to the literary workshop. Only some people in the Russian journal-literary environment of the late 19th early 20th centuries caused such a strong rejection and disgust of contemporaries. On the other hand, Viktor Burenin was one of the most prominent figures in Russian journalism and literature of 1870–1910s. It is impossible to imagine the landscape of Russian culture of the last third of the 19th century without Burenin's invasion of journalism into literary and theatre spheres. Burenin established the rules of conduct, set the tone, and defined the style of mental life for many years ahead. He was popular, and that was close to true fame. Having created his style in journalism, he became recognizable in translations, in numerous plays and parodies intended for the stage. Burenin can be considered as some kind of a «factory» for the production of works of different kind, volume, genre. It is difficult to count everything that was created by Burenin during half a century: a few thousand texts scattered and lost in periodicals in the last third of 19th – the first decades of the 20th century. The texts were signed not only with his name but also were hiding behind masks-aliases, that became the «calling card» of Burenin: count Alexis Asminov, Vladimir Monumentov, Vyborgskii Poustynnik. All these roles created and maintained a unique status of journalism as a theatre platform for actors who share their experience with readers and writers. Burenin translated and wrote «his» plays and, in addition, acted as a literary critic and columnist. He worked out a list of his «victims» – those writers and artists whom he doggedly pursued. Exposing parodies of their works, often cruel and unjust, Burenin nevertheless contributed to the purification of art from the routine and die, freeing the way for a new aesthetic system. His great working ability provided the fame and created a smooth rhythm of the journalistic machine. Moscovite, also the inhabitant of Petersburg and later Leningrad, Viktor Burenin (1841–1926) saw a lot in his lifetime, through several eras. He was a witness and contemporary of the reforms from the Crimean disaster to the First World War and Revolution.

Keywords: literary criticism, feuilleton, parody, journalism, literary masks, literary evolution.

DOI 10.17223/18137083/62/11

References

- Amfiteatrov A. V. Poet skudnoy prirody [Poet of the poor nature]. *Vozrozhdenie*. 1925, no. 3.
Amfiteatrov A. Yumor posle Chekhova [Humor after Chekhov]. *Segodnya*. 1931, January 31, p. 5.
Amfiteatrov A. V. *Zhizn' cheloveka, neudobnogo dlya sebya i dlya mnogikh: V 2 t. T. 2* [Life of a man inconvenient for himself and for many others: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, NLO, 2004, 445 p.

- Boborykin P. D. *Za polveka: Moi vospominaniya* [For half a century: My memories]. Moscow, Leningrad, 1929, 612 p.
- Boborykin P. D. *Vospominaniya: V 2 t. T. 2* [Memoirs: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Khudozh. lit., 1965, 357 p.
- Burenin V. P., Suvorin M. A. *Besy: stseny iz romana F. M. Dostoevskogo v 5 d.* [Demons: scenes from the novel by F. M. Dostoyevsky in 5 acts]. St. Petersburg, izd. zhurn. Teatra Lit.-khud. obshch. 1908, 155 p.
- Burenin V. P. Fel'eton [Feuilleton]. *Novoe vremya*. 1911, no. 12911, Sept. 30.
- Burenin V. P. Vospominaniya o M. E. Saltykove [Memories about M. E. Saltykov-Shchedrin] In: *M. E. Saltykov-Shchedrin v vospominaniyakh sovremennikov* [M. E. Saltykov-Shchedrin in Memories of contemporaries]. Moscow, GIKhL, 1957, 879 p.
- Burenin V. P. *Gore ot gluposti. Chteniya v obshchestve "Bedlam-modern". Poeticheskie kozerogi i skorpiony* [Grief from stupidity. Readings in society "Bedlam-modern". Poetic capricorns and scorpions]. St. Petersburg, 1905, 74 p.
- Burenin V. P. Zhurnalistika... g. M. M., osmeivayushchiy Saltykova [Journalism... of M. M. mocking Saltykov]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 1872, no. 170, June 24, p. 27.
- Chukovskiy K. I. *Dnevnik: V 2 t. T. 1* [Diary: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, 2003, 538 p.
- Glinitskiy B. B. *Sredi literatorov i uchenykh: bibliografii, kharakteristiki, nekrologi, vospominaniya, vstrechi* [Among writers and scientists: bibliographies, characteristics, obituaries, memoirs, meetings]. St. Petersburg, Tip. t-va A. S. Suvorina, 1914, 278 p.
- Goncharov I. A. Iz perepiski s K. R. 26 dekabrya 1887 g. [From correspondence with K. R. on December 26, 1887] In: I. A. Goncharov *Literaturno-kriticheskie stat'i i pis'ma* [Literary critiques and letters]. Leningrad, Goslitizdat, 1938.
- Dnevnik A. S. Suvorina* [A. S. Suvorin's diary]. Moscow, Nezavisimaya gazeta, 1999, 518 p.
- Dnevnik Sof'i Andreevny Tolstoy (1897–1909)* [Sofya Andreevna Tolstaya's diaries (1897–1909)]. Moscow, Kooperat. izd. "Sever" 1932, 715 p.
- Katsis L. F. Burenin. Rozanov. Kruchenykh. Dostoevskiy. Burenin. Sel'vinskiy [Burenin. Rozanov. Kruchenykh. Dostoyevsky. Burenin. Selvinsky] In: Katsis L. F. *Vladimir Mayakovskiy. Poet v intellektual'nom kontekste epokhi. 2-e izd.* [Vladimir Mayakovsky. The poet in the intellectual context of the era. 2nd ed.]. Moscow, RGGU, 2004, pp. 334–370.
- Kriticheskie ocherki i pamyatnye V. Burenina* [Critical sketches and pamphlets by V. Burenin]. St. Petersburg, Izd. A. S. Suvorina, 1884.
- Lazurskiy V. F. Zapis' 27 iyunya 1894 g. *Dnevnik. Yasnaya polyana* [Record on June 27, 1894. Diary. Yasnaya Polyana] In: *L. N. Tolstoy v vospominaniyakh sovremennikov: V 2 t. T. 2* [L. N. Tolstoy in memories of contemporaries: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Khudozh. lit., 1978, p. 671.
- Lepekhin M. P. Burenin Viktor Petrovich [Burenin Victor Petrovich] In: *Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi. Biobibliograficheskiy slovar': V 3 t. T. 1* [Russian literature of the 20th century. Prose writers, poets, playwrights. Biobibliographic dictionary: in 3 vols. Vol. 1]. Moscow, Olma-Press Invest, 2005, pp. 311–315.
- Leskov N. S. Pis'mo L. I. Veselitskoy. 1 iyunya 1893 g. [L. I. Veselitskaya's letter. June 1, 1893]. In: N. S. Leskov *Sobr. soch.: V 11 t. T. 11* [Complete works: in 11 vols. Vol. 11]. Moscow, GIKhL, 1958.
- Lur'e S. A. Watson [Watson]. *Zvezda*. 2014, no. 1, pp. 79–91.
- Nadson S. Ya. *Proza. Dnevnik. Pis'ma. 2-e izd.* [Prose. Diaries. Letters. 2nd ed.]. St. Petersburg, Tip. M. A. Aleksandrova, 1913, 318 p.
- Nekrasov N. A. *Literaturnoe Nasledstvo. T. 51–52* [Nekrasov N. A. Literary heritage. Vols 51–52]. Moscow, izd. AN SSSR, 1949, pp. 169–170.
- Ocherki i parodii V. Burenina* [Sketches and parodies by V. Burenin]. St. Petersburg, Tip. P. P. Merkul'eva, 1874.
- Perepiska L. N. Tolstogo s V. P. Bureninym [L. N. Tolstoy's correspondence with V. P. Burenin]. In: L. N. Tolstoy. *Literaturnoe nasledstvo. T. 37–38, kn. 2* [Literary heritage. Vols 37–38, book 2]. Moscow, izd. AN SSSR, 1939, pp. 239–246.
- Podpol'noe slovo*. 1866, no. 1.
- Prutkov Koz'ma. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Moscow, Leningrad, Academia 1933, 356 p.
- Reytblat A. I. Burenin i Nadson: kak konstruiyuetsya mif [Burenin and Nadson: how is the myth designed]. *New Literary Observer*. 2005, no. 75, pp. 154–167.

Reytblat A. I. Fel'etonist v roli memuarista [The feuilletonist as the memoirist] In: A. V. Amfiteatrov. *Zhizn' cheloveka, neudobnogo dlya sebya i dlya mnogikh* [Life of a man inconvenient for himself and for many others: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, NLO, 2004, pp. 5–18.

Saltykov-Shchedrin M. E. V srede umerennosti i akkuratnosti. Gospoda Molchaliny [In the environment of moderation and accuracy. Misters Molchalins]. In: M. E. Saltykov-Shchedrin *Sobr. soch.: V 20 t. T. 12* [Complete works: in 20 vols. Vol. 12]. Moscow, Khudozh. lit., 1971, 514 p.

Shabalina N. N. Literaturnyy skandal v kritike V. P. Burenina [Literary scandal in V. P. Burenin's criticism]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Univ.* 2012, vol. 154, kn. 2, pp. 145–150.

Snessarev N. *Mirazh "Novogo Vremeni". Pochti roman* [Mirage of "Modern times". Almost novel]. St. Petersburg, Tip. M. Pivovarskogo i A. Tipografa, 1914, 314 p.

Suvorin A. S. *Pis'ma V. V. Rozanovu* [Letters to V. V. Rozanov]. St. Petersburg, Tip. t-va A. S. Suvorina, 1913, 347 p.

Volynskiy A. L. *Bor'ba za idealizm: Kriticheskie stat'i* [Fight for idealism: Critiques]. St. Petersburg, Tip. M. Merkusheva 1900, 112 p.